

Государственность как проблема евразийской идеологии

Саблина Ю. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; sablina-yuv@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель исследования: выявить особенности восприятия государственности евразийскими идеологами.

Методы исследования: сочетание цивилизационного и институционального подходов, хронологический, проблемно-теоретический, историко-сравнительный, системный.

Результаты: создана концепция общего восприятия государственности евразийскими идеологами.

Выводы: евразийцами была разработана теория совершенного государства, где власть принадлежала бы элите, знающей божественные первопринципы.

Ключевые слова: евразийство, демонизм, философия эмиграции, СССР, духовность

Statehood as the Issue of the Eurasian Ideology

Sablina Yu. V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; Sablina-yuv@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The purpose of the study: to identify the features of perception of state of the Eurasian ideology.

Research methods: combination of civilizational and institutional approaches, chronological, problem-theoretical, historical and comparative, systemic.

Results: created the concept of a General perception of state of the Eurasian ideology.

Conclusions: Eurasians developed the theory of a perfect state, where power would belong to an elite that knows the divine principles.

Keywords: eurasianism, demonism, the philosophy of emigration, the Soviet Union, spirituality

Введение

Евразийство было сформировано в качестве идейного направления в среде русской эмиграции в 20-е годы прошлого столетия [8, с. 56]. Оторванность от родины в сочетании с обостренным ощущением катастрофичности переживаемых перемен, порожденных Первой мировой войной и революцией в России, стали мощным импульсом для осмысления изгнанниками ее судьбы. Бесперспективность сокрушения большевизма силой оружия, которая стала очевидной в 1920 г., определила перед мыслителями, ставшими эмигрантами, постановку задачи преодоления его духовным путем. Старые идейные подходы в этих условиях казались недостаточными, они требовали коренного обновления идеи государственности. Попытку такого обновления предприняли евразийцы [1, с. 7].

К сожалению, в среде евразийцев отсутствовало идейно-теоретическое единство, что создает сложности в исследовании данного научного наследия. Почти каждый из идеологов движения евразийства говорит о теоретической самостоятельности. Однако сегодня, когда Россия вновь стала одним из ведущих игроков мировой

политики, идеи евразийства могут оказаться крайне важными в рамках принимаемых решений о будущем нашей страны со стороны правительства РФ. Именно поэтому столь актуально создание в рамках данной работы исследования возможно общего восприятия государственности евразийцами.

Материалы и методы

В исследовании использована обширная библиография по истории развития и содержанию теории государственности в идеях евразийства.

При работе над статьей были использованы принципы объективности, плюрализма, детерминизма, историзма, а также как общенаучные, так и частнонаучные методы: сочетание цивилизационного и институционального подходов, хронологический, проблемно-теоретический, историко-сравнительный, системный.

Результаты

В странах Европы в 20-е гг. XX в. происходит активизация русской эмиграции, вызванная некоторыми надеждами на то, что политический режим в Советской России будет достаточно демократизирован. Среди русского зарубежья началось формироваться евразийство, одно из востребованных политических течений [11, с. 67].

Организационное оформление движения евразийцев произошло в конце 1924 г. в Вене, на совещании, когда был создан руководящий орган евразийцев — Высший Евразийский Совет, главой которого избрали князя Н. С. Трубецкого [6, с. 50].

Важнейшей проблемой идеологии евразийцев следует определить понимание государственности для использования данных знаний ради реформирования России. Исследования в области истории представители течения евразийства направляли на рассмотрение вопроса возможности демократического реформирования государства с советской формой правления. Данный вопрос в основном и был предметом обсуждения евразийцев, прежде всего, в рамках их собственных периодических изданий [19, с. 22].

В основу учения евразистов о сущности государственности легли следующие идеи:

- 1) утверждались особые пути развития России как части Евразии;
- 2) обосновывались идеалы, долженствующие базироваться на православной основе [23, с. 220];
- 3) высказывалось положение о культуре как симфонической личности;
- 4) признавалась необходимость такого государственного устройства, которое бы обеспечило развитие России-Евразии по пути к ее идеалам [18, с. 9].

Вожди евразийства говорили: «наряду с отрицательными сторонами революции... евразийцы видят положительную сторону в открываемых революцией возможностях освобождения России-Евразии из-под гнета культуры Европы» [22, с. 238]. Одной из главных задач революции евразийцы считали восстановление своеобразия мира Евразии и установление соответствия между сознанием правящей и интеллектуальной верхушки России-Евразии согласно условиям окружающей обстановки. Данное положение имело важнейшее значение в определении направления, в котором евразийцам следовало развивать и преобразовывать существовавший на тот исторический момент строй СССР.

Одним из краеугольных камней государственности евразийцы определяют идеологию.

В своем первом документе «Евразийство: опыт систематического изложения», опубликованном в 1926 г. в Париже, затрагиваются вопросы идеологии как основы любого движения жизни и вытекающие из этого положения четкие задачи, объеди-

ненные системой либо программой [21, с. 17]. Причем обусловлены они обязаны быть конкретной исторической обстановкой.

Но самое интересное и убедительное положение, которое затрагивает данный документ, это сделанный вывод о коммунистической идеологии.

Согласно данному положению, идеология коммунизма, безусловно, губительна, причем может увлечь за собой в могилу истории все многообразие социалистических идеологий в целом.

Гибель же эта значит смерть и партии большевиков, ведь в основе последней как раз обусловленные идеологией организация, пафос, энергия. Однако гибель партии большевиков при отсутствии соответствующей замены представляет собой серьезную опасность как для новых государственных форм, так и для функционирования и развития в нормальном ключе уже самой Евразии-России. Причем опасность не заключается исключительно в том, что Россия подвергнется новым потрясениям, но и также в том, что жесткое напряжение революционных лет окажется малоэффективным.

Вопрос возможности предотвращения, пусть частичного, данных опасностей, угрожающих России либо ожидание того, что мудрость и силы творчества, собственные россиянам, смогут преодолеть угрозы — центральный вопрос в данном свете для евразийцев [25, с. 9].

Одновременно они все же высказывают идеи не пассивного ожидания, но активных поисков истинного выхода из возможной негативной для государства ситуации.

Таким образом, евразийцы, в рамках своей теории государственности, приходят к пониманию необходимости разработки новой идеологии, причем, носителем одной обязана выступать новая партия, такая же сплоченная и одушевленная, как партия большевиков на первых этапах ее деятельности.

В течение короткого промежутка времени евразийство перешло из историко-философского в идеологическое течение, а затем, по существу, трансформировалось в некое подобие политической партии: «Мысля новую партию, как преемницу большевиков, мы уже придаем понятию партии совсем новый смысл, резко отличающий ее от политических партий в Европе. Она — партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключая существование других таких же партий. Она — государственно-идеологический союз... Формально нечто подобное этому представляет собой итальянский фашизм, лишенный, впрочем, глубокой идеологии; но, разумеется, большую аналогию дают сами большевики... Если мы называем новую партию (союз) возможной наследницей большевистской и с большевистской ее сопоставляем, мы имеем в виду форму и структуру, а не содержание ее идеологии. Коммунистической идеологии противопоставляется принципиально иная — сознательно религиозная, православная и не отвлеченно-интернациональная, а евразийско-русская» [26, с. 33].

То есть уже в 1926 г. евразийцы предугадывали о тех социально-экономических и политических преобразованиях, которые произойдут в России в период горбачевской перестройки.

Во втором программном документе движения, так и названном «Евразийство» (согласно формулировке 1927 г.), говорится, что Россия суть особый мир, чьи судьбы отделены от Европы (стран западнее ее), а также Азии (соответственно, южнее и восточнее). Данный мир нужно обозначать как Евразия. Люди и народы Евразии способны достигнуть высшей формы взаимопонимания и братского существования, которые недоступны народам Азии и Европы. Территориально Союз Советских Социалистических Республик (СССР) тех лет и был главным ядром мира Евразии [24].

То есть евразийцы предлагают материковый принцип государственности.

Также государство нового типа, по мнению евразийцев, может существовать лишь при условии жесткой, сильной власти, которая принудит население принять соответствующие экономические, военные и социальные реформы [9, с. 40]. Однако евразийцы предстают противниками коммунизма, несмотря на то, что в результате революции в России политическая власть во всей полноте досталась именно партии коммунистов, которая суть строго дисциплинированная, организованная группа, которая вполне являет собой соответствие условиям и положению России-Евразии [13, с. 25].

Особенность государства определена евразийцами как нахождение в окружении часто враждебных государств, причем с огромной по протяженности сухопутной границей, что создает проблемы с ее защитой. Также отмечаются немалые экономические сложности, что подразумевает, в первую очередь, гигантские расстояния и суровую зиму.

Евразийцы отказывают в силе, способной обеспечить существование государства, предреволюционной императорской власти. В современных им условиях евразийцы видят, как наиболее отвечающую потребностям российской действительности, правление власти сплоченной, строго дисциплинированной организованной группы [4, с. 51].

Но власть подобной группы можно оправдать, увидеть в ней смысл лишь тогда, когда она в своей организованной правительственной деятельности приносит удовлетворение потребностям всего народа, то есть в своих устремлениях сливается с волей народа, есть выражение ее [15, с. 105]. Подобный государственный порядок евразийцы называют демоническим и являются яркими его сторонниками [17, с. 22].

Но коммунистическая партия, по мнению евразийцев, (в отличие от многих иных иммигрантов) вовсе не демоническая. Все дело в антихозяиственности и атеизме, которые являют собой яркое противоречие духовным основам, провозглашенным евразистами как основа государственности для жителей России-Евразии [7, с. 44].

Таким образом, система страны Советов для евразийских мыслителей лишь база для государственного режима демонизма, так как политическая воля правящей монополю партии РКП(б), а также классов-гегемонов смогла подчинить всех жителей Советской России, заставить их двигаться согласно представленной общей национальной идее, которая есть и государственная, ибо национальность лишается какого-либо значения. Но социально-классовый порядок многоуровневых выборов депутатов в Советы явно коррелировал с демоническим делегированием [14, с. 108].

Свою историческую миссию в строительстве Новой России евразийцы видели «во включении происшедшего в революции — в рамки русской и евразийской исторической традиции» [5, с. 207].

Чхеидзе писал: «Русская революция впервые ставит вопрос о сочетании труда на земле и вне земли, притом — организованно-целесообразном их сочетании» [16, с. 122].

Крайне важен в аспекте восприятия государственности евразийцами тот факт, что в евразийской программе 1927 г. одним из важных предложений было внесение в конституционный строй Советской России начал «религиозности» [20, с. 77].

То есть необходимо, чтобы государственная власть относилась положительно и помогала каждой вере, которую исповедуют народы России-Евразии, понимая, что лишь вера может быть основой социальных отношений, которые проникнуты духом любви и неуклонным хранением человеческого достоинства [10, с. 419].

Но содействие государства вере ни в коем разе не должно превращаться в зависимость церкви как религиозных объединений от государства или государства от церкви. Религия и государство объединяют и организуют каждое особую (хотя и связанную с другой) область человеческой жизни. Между ними должны устано-

виться лично-духовные связи в форме личной религиозности представителей власти (их благочестия) и внимательного отношения с их стороны к голосу религии, а также в форме лояльного отношения к государству представителей религии и преподавания последними благословения тем начинаниям государства, которые церковь одобряет. Но между религией и государством не может и не должно быть государственно-правовых отношений либо хотя бы финансовых связей. Именно для того чтобы представители церкви имели возможность выполнять выпадающую на их долю роль народной совести, церковь обязана иметь самостоятельный бюджет, который независим от средств государства. Для этого религиозным объединениям должны быть предоставлены все права и возложены на них обязанности юридических лиц [14, с. 112].

В области религиозной никакое принуждение недопустимо. Священнослужители, пастыри, иерархи и представители религиозных объединений избираются, в соответствии с установлениями каждой религии, верующим народом из числа лиц, почитаемых им к тому достойными; государство воздерживается от вмешательства в дела религии.

Положение, регулирующее, в соответствии с изложенным, существование религиозных объединений в пределах государства, издается в порядке одностороннего акта государства, так как церковь по природе своей не может вступать ни в какие государственно-правовые соглашения или договоры с государством [21, с. 36].

Кроме того, предлагаемая евразийцами конструкция государственного строя России, предложенная в программе, была идентична закреплённому Конституцией 1924 г. государственному строю Союза ССР. Копировались названия, структура высших и местных органов власти. Поскольку демонизм был задуман как авторитарный строй, то евразийцы предлагали в перерыве между заседаниями ЦИК Союза передавать всю полноту власти Председателю Президиума ЦИК. Идея индивидуализации высшей государственной власти корреспондируется с консервативной белоэмигрантской идеологией сильной власти и на практике могла привести Россию к единоличной диктатуре. Главной же задачей преобразования государственного строя СССР евразийцы определили революционное устранение коммунистической партии, «замену» ее в «организационно-правительственном значении» Евразийской партией [26, с. 34]. Таким образом, подлинная идеократия евразийцев заключалась не в смене или кардинальном государственно-политическом реформировании СССР, а в смене правящей партийной элиты.

Выводы

Таким образом, в завершении данного исследования можно сделать несколько выводов:

- 1) евразийцев можно воспринимать как эмигрантское движение, с излишней симпатией относившееся к СССР и коммунизму;
- 2) евразийцами была выработана собственная концепция государственности, которая включает в себя:
 - ◆ жесткую, сильную власть;
 - ◆ демонизм;
 - ◆ идеологию;
 - ◆ веру.

По мнению евразийцев, новая экономическая политика (НЭП) в СССР в 1922–1927 гг. показала, что, с одной стороны, людской массив России еще не расстался с привычками и навыками дореволюционного времени (породившими революцию); а с другой — неискренность коммунистической власти и непонимание ею истинных

задач и целей идеократического государства. Тем не менее со стороны формальной НЭП был правильной наметкой, направленной к разрешению проблемы построения государственно-частной системы хозяйства.

Таким образом, группа опальных философов и ученых, противников демократии и революции — среди которых многие были аристократами, но при этом понимали все недостатки предыдущего строя и не верили в реванш, да и не хотели его, — разработали теорию совершенного государства, где власть принадлежала бы элите, знающей божественные первопринципы.

Литература

1. Антощенко А. В. Споры о евразийстве (вступительная статья) // О Евразии и евразийцах (библиография). Петрозаводск : ПетрГУ, 2000.
2. Ахматов А. В. Философия права евразийства: монография. М. : НИПКЦ Восход-А, 2008.
3. Вандалковская М. Г. Евразийские представления о русской истории // Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е годы XX в. М. : Рос. акад. наук, 2009. С. 138–184.
4. Васечко Е. Н. Социальная философия евразийства: религиозно-политический аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 6. С. 49–54.
5. Вахитов Р. Р. Евразийцы и Платон: от тирании к «аристократии духа» // Платоновские исследования. 2016. № 1 (4). С. 201–210.
6. Винокуров Е. Прагматическое евразийство // Россия в глобальной политике. 2013. № 2. С. 49–58.
7. Галас М. Л. Идеократические государственные концепции постреволюционных течений российской эмиграции // Теория государства и права. 2008. № 14. С. 43–49.
8. Галас М. Л. Советское государство в России периода НЭПа в исторических исследованиях представителей евразийства и сменовеховцев // История государства и права. 2015. № 21. С. 56.
9. Голенкова З. Т., Еремеев А. Е. Евразийство как географическая идеология // Вестник ТГУ. 2009. № 4. С. 39–43.
10. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. и комм. Ю. А. Белова; отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, Благовещение, 2011.
11. Замятина О. А. Евразийство как инструмент диалога национальных культур // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2015. № 3–2. С. 67–70.
12. Лобанов Д. А., Устюгова В. В. Источники периода российской эмиграции «первой волны». Пермь : ПГУ, 2001.
13. Люкс Л. Заметки о «революционно-традиционалистской» культурной модели «евразийцев» // Вопросы философии. 2003. № 7(600). С. 23–34.
14. Люкс Л. Евразийство // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 105–114.
15. Макаров В. Г. «Рах gossica». История евразийского движения и судьбы евразийцев // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 102–117.
16. Макаров В. Г., Репников А. В. Как возникло евразийство // Россия XXI. 2008. № 5. С. 98–127.
17. Мармونتова Т. В. Евразийская идея — от теории к практике воплощения // Современные евразийские исследования. 2015. № 2. С. 21–26.
18. Осинский И. И. Евразийство как вызов современности // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика: сб. статей. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2015. С. 7–10.
19. Осинский И. И. Становление евразийства // Евразийство и мир. 2014. № 4. С. 21–32.
20. Рассел Д. Евразийство. М. : Книга, 2012.
21. Романова Е. В. Этнокультурная концепция основоположников евразийства: монография. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2010.
22. Россия и Европа: хрестоматия по рус. геополитике / сост. Л. Н. Шишелина. М. : Наука, 2007.
23. Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М. : Антология, 1993. С. 217–310.
24. Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kulichki.com/~gumilev/SPN/spn05.htm> (дата обращения: 20.03.2018).
25. Скуратов Ю. И. Некоторые проблемы евразийской интеграции на постсоветском пространстве (теоретические основы и современная практика) // Евразийская парадигма

- России и трансформация политико-правовых институтов стран Азиатско-Тихоокеанского региона: сб. статей. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2014. С. 5–17.
26. Суслонов П. Е. Евразийство как политико-правовая концепция // Образование и наука в современных условиях. 2016. № 1 (6). С. 30–35.

Об авторе:

Саблина Юлия Валерьевна, аспирант, ведущий специалист факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); sablina-yuv@sziu.ranepa.ru

References

1. Antoshchenko A. V. Disputes on eurasianism (introductory article) // About Eurasia and Eurasians (bibliography) [O Evrazii i evraziitsakh (bibliografiya)]. Petrozavodsk : PetrSU, 2000. 83 p. (In rus)
2. Akhmatov A. V. Eurasianism legal philosophy: monograph. M. : Scientific and research Production and Commerce Centre Sunrise-A, 2008. 172 p. (In rus)
3. Vandalkovskaya M. G. Eurasian ideas of the Russian history // Historical thought of the Russian emigration. The 20-30th of the 20th century [Istoricheskaya mysl' russkoi emigratsii. 20–30-e gody XX v.]. M. : RAS, 2009. P. 138–184. (In rus)
4. Vasechko E. N. Social philosophy of eurasianism: religious political aspect // Humanitarian, social and economic sciences [Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki]. 2007. N 6. P. 49–54. (In rus)
5. Vakhitov R. R. Eurasians and Platon: from tyranny to “the aristocracy of spirit” // Platon researches [Platonovskie issledovaniya]. 2016. N 1(4). P. 201–210. (In rus)
6. Vinokurov E. Pragmatical eurasianism // Russia in global policy [Rossiya v global'noi politike]. 2013. N 2. P. 49–58. (In rus)
7. Galas M. L. Ideocracy state concepts of post-revolutionary courses of the Russian emigration // Theory of the state and law [Teoriya gosudarstva i prava]. 2008. N 14. P. 43–49. (In rus)
8. Galas M. L. The Soviet state in Russia of the period of the New Economic Policy in historical researches of representatives of eurasianism and smenovekhovtsy // History of state and law [Istoriya gosudarstva i prava]. 2015. N 21. P. 56. (In rus)
9. Golenkova Z. T., Ereemeev A. E. Eurasianism as geographical ideology // Messenger of TSU [Vestnik TGU]. 2009. N 4. P. 39–43. (In rus)
10. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe / Drawing up comments of Yu. A. Belov / Ex. edition of O. Platonov. M. : Institute of the Russian civilization, Blessing, 2011. 816 p. (In rus)
11. Zamyatina O. A. Eurasianism as the instrument of dialogue of national cultures // Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space [Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve]. 2015. N 3–2. P. 67–70. (In rus)
12. Lobanov D. A., Ustyugova V. V. Sources of the period of the Russian emigration of “the first wave”. Perm : PSU, 2001. 67 p. (In rus)
13. Lux L. Notes about “revolutionary and traditionalist” cultural model of “Eurasians” // Philosophy Questions [Voprosy filosofii]. 2003. N 7(600). P. 23–34. (In rus)
14. Lux L. Eurasianism // Philosophy Questions [Voprosy filosofii]. 1993. N 6. P. 105–114. (In rus)
15. Makarov V. G. “Pax Rossica”. History of the Eurasian movement and fate of Eurasians // Philosophy Questions [Voprosy filosofii]. 2006. N 9. P. 102–117. (In rus)
16. Makarov V. G., Repnikov A. V. How Eurasianism appeared // Russia XXI. 2008. N 5. P. 98–127. (In rus)
17. Marmontova T. V. The Eurasian idea — from the theory to practice of the embodiment // Modern Eurasian researches [Sovremennye evraziiskie issledovaniya]. 2015. N 2. P. 21–26. (In rus)
18. Osinsky I. I. Eurasianism as present call // Eurasian paradigm of Russia: values, ideas, practice: collection of articles [Evraziiskaya paradigma Rossii: tsennosti, idei, praktika]. Ulan-Ude: Buryat State University, 2015. P. 7–10. (In rus)
19. Osinsky I. I. Eurasianism formation // Eurasianism and world [Evraziistvo i mir]. 2014. N 4. P. 21–32. (In rus)
20. Russell D. Eurasianism. M. : Book, 2012. 114 p. (In rus)
21. Romanova E. V. Ethnocultural concept of founders of eurasianism: monograph. Barnaul : Publishing house of the Altai State University, 2010. 135 p. (In rus)

22. Russia and Europe: anthology of Russian geopolitics / collection of L.N. Shishelina. M. : Science, 2007. 614 p. (In rus)
23. Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. M.: Anthology, 1993. P. 217–310. (In rus)
24. Savitsky P.N. Geographical and geopolitical bases of eurasianism [An electronic resource]. URL: <http://www.kulichki.com/~gumilev/SPN/spn05.htm> (In rus)
25. Skuratov Yu.I. Some problems of the Eurasian integration at the former Soviet Union (theoretical bases and modern practice) // Eurasian paradigm of Russia and transformation of political and legal institutes of the countries of the Pacific Rim: collection of articles [Evraziiskaya paradigma Rossii i transformatsiya politiko-pravovykh institutov stran Aziatsko-Tikhokeanskogo regiona]. Ulan-Ude: Buryat State University, 2014. P. 5–17. (In rus)
26. Suslonov P. E. Eurasianism as the political and legal concept // Science and education in modern conditions [Obrazovanie i nauka v sovremennykh usloviyakh]. 2016. N 1(6). P. 30–35. (In rus)

About the author:

Yulia V. Sablina, Graduate Student, Leading specialist of the Faculty of Economy and Finance of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); sablina-yuv@sziu.ranepa.ru